

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ 20—30 годы XX в.

Юлия Сергеевна ФЕДОРОВА, г. Благовещенск, Амурский областной ИППК.
(Снимком автора редакция, к сожалению, не располагает)

Одним из результатов мощного революционного взрыва 1917 г. и последовавшей за ним кровопролитной гражданской войны стало формирование за пределами границ бывшей Российской империи неповторимого уголка, который не обозначен ни на одной карте мира. Имя ему — Русское зарубежье. Сюда «...из недр России была извергнута огромная масса людей, которые еще недавно создавали русскую мощь, русскую культуру, русскую науку, русское искусство, русскую промышленность и богатство...здесь была русская армия, духовенство, цвет национальной интеллигенции, корифеи русской науки, литературы, искусства, промышленности, фабриканты, учащая молодежь, рабочие, крестьяне, казаки...они уходили со своими семьями, скарбом, учреждениями, организациями, архивами, обозами, флотом, в твердом намерении остаться русскими, сохранить свою культуру, вернуться после уничтожения советской власти в Россию и служить только ей»¹. Они увезли с собой из России «нечто», что было особенно ценным — свою духовную память.

Центром сосредоточения большой эмигрантской массы на востоке стала Маньчжурия и административный центр КВЖД г. Харбин, имевший ряд особенностей по сравнению с западноевропейскими городами. Дело в том, что еще задолго до революции в Маньчжурии проживало «...около 200 тыс. русского оседлого населения, связанного с эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги: это было как бы государство в государстве, имевшее свои охранные войска, суд, средние и высшие учебные заведения, множество газет и журналов, десятки церквей, четыре монастыря; активно работала Российская духовная миссия в Китае»². Построенный руками русских Харбин стал центром российской диаспоры. Однако и после 1917 г. он продолжал жить традициями дореволюционной России, оставаясь русским городом на маньчжурской земле. Это и предопределило своеобразие «восточной ветви» российской эмиграции, в какой-то мере облегчило процесс адаптации беженцев к новой среде.

«Восточная ветвь» послевоенной русской эмиграции как составная часть российской эмиграции «первой волны» имела ряд особенностей, связанных с «географической отдаленностью от основных эмигрантских центров, экономическими, социально-политическими и культурными условиями страны проживания»³. Во-первых, «формирование российской эмиграции в Китае — главным прибежище для выходцев из России на востоке — тесно связано с окончательным поражением белогвардейского сопротивления на дальневосточной окраине страны»⁴. В январе—марте 1920 г. рухнул режим Колчака. В докладе о положении «белой эмиграции», представленном Русским общест-

вом в Маньчжурии и Монголии Лиге Наций в 1929 г., отмечалось, что в 1917 г. в Китае насчитывалось 51 310 чел. русских; в 1919 г. — 147 170 чел.⁵ К осени 1922 г. из Владивостока началась эвакуация остатков Белой армии. К этому времени массовый эмигрантский поток на западе уже иссяк. В начале 20-х годов численность русских в Китае колебалась от 250 до 500 тыс. чел. На 1930 г. в Китае проживали 125 тыс. чел.; в Маньчжурии — 110 тыс. чел. В Харбине в 1931—1932 гг. — 30 044 русских эмигранта, 26 633 чел. советских граждан и 6 793 чел. китайских подданных русского происхождения⁶. К 1934 г. Нансеновский комитет Лиги Наций зафиксировал на Дальнем Востоке до 134 тыс. россиян (в основном проживавших в Китае).

Эмигранты, во-вторых, отличались пестротой и «демократичностью» социального состава. Как отмечают в своей работе С.И. Лазарева и О.И. Сергеев, «...особенностью социального состава эмиграции было то, что поселившиеся в Харбине семьи известных аристократических родов России — князей Львовых, Ухтомских, Голицыных и др. — вскоре в поисках более лучших условий жизни его покинули. Остались те, кому не на что и некуда было ехать»⁷. Поэтому рабочие, крестьяне и казаки составляли 68,7% харбинской эмиграции⁸. Беженцев из центральных российских городов представляли дворяне, старшее офицерство, крупные коммерсанты, высокопоставленные чиновники, члены их семей. В целом доля этих сословий составляла 5,95%; мещанства — 9,5%⁹. Кроме вышеуказанных социальных групп были предприниматели, купцы, интеллигенты и духовенство. Довольно точно охарактеризовала социальный состав эмиграции З. Гиппиус: «...одна и та же Россия по составу своему, как на Родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговые, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности — политической, культурной, научной, технической и т. д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и от земли) — представители всех классов, сословий, положений и состояний...»¹⁰

В-третьих, состав выходцев из России был многонациональным. Наряду с русскими украинское, грузинское, армянское, греческое, еврейское, тюрко-татарское землячества, впоследствии объединившиеся в крупные национальные общины¹¹.

В-четвертых, у преобладающей части эмигрантов не было материальных средств и денег, документов и виз. А после 1921 г. русские люди в Китае оказались фактически «вне закона». Процедура оформления паспортов требовала значительных материальных затрат, что при низком уровне жизни основной эмигрантской массы создавало немалые трудности (в 1930—1931 гг. 20—25% населения Маньчжурии — безработные или имели временную работу)¹².

К вышеперечисленным факторам присоединялись незнание восточных языков или трудности их освоения, неизвестная культура и среда обитания, а также экономические трудности (невозможность конкурировать с местным населением по причине крайней дешевизны их труда) и политическое бесправие. Испытывая тяжелые социально-экономические и политические лишения, дальневосточная эмиграция вынуждена была искать организационные формы и коллективные способы защиты своих прав и жизненных интересов. Маньчжурия стала своеобразной перевалочной базой, откуда эмигранты выезжали

в США, Канаду, Австралию и другие страны. Наконец, в 30-е годы российская эмиграция оказалась в эпицентре острых внешнеполитических противоречий между СССР и Японией. Маньчжурия рассматривалась японскими руководителями как «жизненная линия» Японии против «русской экспансии»¹³. Эта территория считалась своеобразной буферной зоной, призванной защитить Японию и Китай от идей коммунизма. В свою очередь китайские правители предпринимали неоднократные попытки использовать эмигрантов в разрешении своих внутренних социально-экономических и политических противоречий.

Как и все представители эмиграции первой волны, «эмигранты-дальневосточники» (имеются в виду эмигрировавшие на восток) считали свое изгнание вынужденным и кратковременным и надеялись на скорое возвращение на родину. Но именно в дальневосточном зарубежье в начале 30-х годов впервые прозвучала мысль о «бесперспективности нового военного похода против Советов и призыв пойти на подвиг сознательной жертвенной работы во имя будущего России»¹⁴.

Наиболее яркой особенностью дальневосточной волны российской эмиграции была ее тесная культурная сплоченность и преданность национальным идеалам. В то время, когда в России (затем в СССР) истребляли традиции и национальное самосознание, на долю эмигрантов выпала труднейшая задача: теперь уже на чужбине продолжить духовную жизнь своей нации¹⁵.

М.В. Назаров в работе «Миссия русской эмиграции» наряду с тем, что русская эмиграция первой волны была уникальным и беспрецедентным явлением не только в отечественной, но и в мировой истории, подчеркивает, что первая и важная функция ее заключалась в том, чтобы «...сохранить память о дореволюционной России и ее национальное самосознание, стать в меру возможностей как бы «блоком памяти» своей нации»¹⁶. Благоприятному ее выполнению способствовала Русская православная церковь (РПЦ), призванная «окормлять» свою паству за пределами бывшей Российской империи. В последнем десятилетии XX в. началось активное и широкомасштабное исследование положения Русской православной церкви в условиях эмиграции (в том числе и на зарубежном Дальнем Востоке). Изучению различных аспектов деятельности РПЦ посвящены также работы церковных историков¹⁷.

Отличительной чертой Харбина, дальневосточного центра Русского зарубежья, была национальная, расовая и религиозная толерантность, которую отмечают все исследователи, занимающиеся изучением истории этого города. Еще до революции наряду с приверженцами традиций русского православия здесь были последователи старообрядчества, протестантские сектанты (баптисты, адвентисты, молокане), католики (литовцы, поляки), евреи и др.¹⁸ Российское правительство было заинтересовано в переселении на неосвоенные территории также и сектантов, поскольку «...лица этой категории известны уже как выдающиеся колонизаторы, стойкие в охране своих порядков и способные преодолеть самые трудные условия водворения»¹⁹. На территории Маньчжурии представители других конфессий могли действовать открыто и без каких-либо ограничений. В обстановке религиозной свободы, отмечает М.Б. Сердюк, обнаружилась «...слабость православия, титулярной религии, утрачивающей своеобразную, образованную и социально-активную паству», «ре-

лигии капиталистического общества приобретали влияние, потеснив православие, которое не успевало приспособиться к новым условиям»²⁰. До 1917—1920-х годов перед РПЦ в Маньчжурии не стояла задача сохранения основ русской национальной культуры, поскольку КВЖД и проживавшее на ее территории российское население подчинялись законам Российской империи.

Однако после событий 1917 г. в России большая эмигрантская масса, покинувшая пределы родины, нуждалась не только в материальной, но и в духовной поддержке. После очередного наплыва протестантских миссий, а затем и событий 1920 г. (преобразование полосы отчуждения в особый район трех провинций), 1924 г. (подписание советско-китайского договора и признание суверенитета китайских властей на территории Северной Маньчжурии) и 1929 г. (знаменитый конфликт на КВЖД) возникла необходимость сохранения основ русского национального самосознания, этнокультурной самобытности, фундаментом которых являлась православная вера, а следовательно, православная церковь. Как справедливо отмечает М.В. Назаров, «...стержнем, делавшим из эмиграции единый национальный организм, была и остается православная церковь. В эмиграции более, чем в нормальных условиях, чувствуется потребность в духовной опоре, которой могут быть только абсолютные ценности. Поэтому куда бы судьба ни забрасывала русских, в каких бы трудных условиях ни приходилось им начинать новую жизнь — на всех континентах они открывали храмы, ставшие главными бастионами эмиграции в ее борьбе за самосохранение»²¹.

А.В. Ломанов отмечает, что «первоначальной датой проникновения христианства в Китай принято считать 635 г. (династия Тан), когда в страну прибыла группа несторианских миссионеров из Персии...Следующими были католики — при династии Юань в Китай прибыл из Европы францисканский миссионер Иоанн Монтекорвино...Католическая община в Китае была воссоздана в конце династии Мин трудами иезуитских миссионеров во главе с Маттео Риччи, прибывшим в страну в 1583 г.»²² Вслед за католическими миссионерами сюда потянулись и протестанты. А уже в конце XVII в. в Китай проникает православие. Однако северо-восточная часть Китая становится довольно открытой и весьма притягательной для православных, католиков, протестантов и представителей других (в том числе нехристианских) конфессий лишь с конца XIX столетия. Это было связано с началом хозяйственного освоения региона и постройкой крупной железнодорожной артерии. Официальная дата начала строительства Китайско-Восточной железной дороги, которая соединила Сибирь с Приморьем через территорию Маньчжурии, — 16 августа 1897 г.

Вслед за партией строителей дороги появилась Охранная стража, специально сформированная для обеспечения безопасности КВЖД. Уже 26 декабря 1897 г. «...с первым эшелонem Охранной стражи пароходом из Одессы прибыл во Владивосток священник о. Александр Журавский, назначенный протопресвитером военного и морского духовенства в Охранную стражу КВЖД»²³. Первая церковь в полосе отчуждения разместилась в цинопочном бараке. С наступлением зимы храм был перенесен в железнодорожный барак, приспособленный специально для церкви. Так возник первый православный храм (Старо-Харбинский), освященный 24 мая 1899 г. и посвященный Св. Николаю. 1 октября 1899 г. началось строительство Свято-Николаевского

кафедрального собора в Новом городе, который был освящен о. Александром Журавским, о. Стефаном Белинским и о. Иаковом Матковским 5 декабря 1900 г. После подавления восстания «ихэтуаней» церковная жизнь вновь возобновилась. Под руководством Александра Журавского были освящены храмы в Дальяни (1901), Бухэду (1902), на ст. Пограничной (1902); на средства КВЖД приобреталась церковная утварь.

Со времени перехода КВЖД в постоянную эксплуатацию (1 июля 1903 г.), «...в приказах по дороге были объявлены состоящими на службе КВЖД по церковному отделу все священники железной дороги», а управляющий дорогой генерал Хорват предоставил им право на ряд льгот²⁴. Святейший Синод указом от 29 мая 1903 г. подчинил духовенство и православное население Маньчжурии Российской духовной миссии в Пекине, которую возглавлял преосвященный епископ Иннокентий (Фигуровский). К 1912 г. в Маньчжурии было 12 священников, а храмы вместе с церковными библиотеками служили не только для удовлетворения религиозных нужд населения, но и стали центрами просвещения. Были учреждены подворья Пекинской миссии в Харбине и на ст. Маньчжурия. В 1907 г. Святейший Синод представил доклад о переводе церквей Маньчжурии в ведение Владивостокской епархии. Указом от 8 августа 1907 г. за № 9014 храмы и духовенство Северной Маньчжурии были изъяты из подчинения Пекинской миссии и переданы в ведение правящего архиерея Владивостокской епархии, высокопреосвященнейшего архиепископа Евсевия²⁵.

После принятия решений Поместного Собора 1917 г. церковная жизнь в полосе отчуждения оживилась. Был учрежден Временный Маньчжурский окружной церковный совет из шести выборных членов из духовенства и трех из мирян, председателем которого стал законоучитель Коммерческих училищ священник Иннокентий Петелин; на всех приходах учреждались приходские советы. В 1917 г. Владивостокский Епархиальный съезд духовенства и мирян ходатайствовал о назначении для церквей Маньчжурии особого епископа²⁶.

Необходимость образования самостоятельной епархии «...мотивировалась большим количеством православного населения, насчитывавшего до 300 тыс. чел., и затруднительностью сношений с Епархиальной Владивостокской властью, за начавшимися событиями на Востоке»²⁷. До образования епархии существовало два благочиния, одно из которых включало в себя все церкви железной дороги (13-е), а второе — все церкви Охранной стражи (с января 1901 г. — Заамурского Округа Отдельного Корпуса Пограничной стражи). Однако в 1920 г. военную охрану расформировали, и церкви перешли в ведение церковного отдела и составили одно благочиние²⁸.

29 марта 1922 г. «временно» в полосе отчуждения КВЖД указом Архиерейского зарубежного Синода учреждалась самостоятельная епископия с кафедрой в Харбине — это событие открыло период пребывания православной паствы Маньчжурии в зарубежном расколе²⁹. Связи с Московской патриархией прервались. Харбинская епархия перешла в непосредственное подчинение Зарубежному архиерейскому Синоду в Сремских Карловцах. В связи с тем, что колонизация северо-восточной части Китая шла по линии железной дороги, церкви строились на железнодорожных станциях. По линии КВЖД территория Харбинской епархии на западе оканчивалась станцией Маньчжурия,

на востоке — станцией Пограничная и на юге — станцией Куаньченцзы³⁰. Таким образом, территория епархии включала в себя «полосу отчуждения КВЖД» с расположенными на ней поселками. В непосредственной территориальной связи с Харбинской епархией находилось Трехречье. Торжественное открытие Харбинской епархии при 28 церквях состоялось 4—27 сентября 1922 г.³¹ Кафедру возглавил архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий с новым титулом «Харбинский и Цицикарский».

Деятельность церкви охватывала пять основных направлений: хозяйственное, монастырское, культурно-просветительное, миссионерство и благотворительность. В соответствии с ними священнослужители преподавали Закон Божий в учебных заведениях, решали вопросы организации попечительства о бедных духовного звания, заботились о пополнении числа «богословски образованных людей», хлопотали о повсеместном удовлетворении религиозных нужд эмигрантского населения, занимались миссионерской работой. Среди них Харбинский Епархиальный Совет (высший управленческий орган), Епархиальный миссионерский совет, Попечительство о бедных духовного звания, Харбинский Епархиальный свечной завод, епархиальная библиотека, приют для детей «Русский дом», «Дом милосердия» для престарелых, хроников и приют для детей (девочек) при Камчатском подворье в ведении преосвященного епископа Нестора, Дом-убежище имени митрополита Мефодия, церковно-певческие курсы, Харбинское Благовещенское подворье, Институт Святого Владимира, Серафимовская народная столовая — наиболее известные епархиальные учреждения, существовавшие некогда в Харбине.

Отмечу, что в 20-х — начале 30-х годов в Харбине росло строительство культовых зданий — храмов, часовен и т. д. Так, если в период с 1900 по 1919 г. здесь было построено 7 церквей, то за период с 1922 по 1941 г. — 15 церквей и 2 монастыря. Как видно из таблиц 1 и 2, строительство православных храмов по сравнению со строительством культовых зданий представителей других конфессий шло быстрее.

Таблица 1

Строительство культовых зданий в г. Харбине до 1922 г.

Год	Православные храмы	Прочие христианские и нехристианские
1900	Свято-Николаевский Кафедральный собор	
1906		Начало строительства католического костела Св. Станислава
1907	Софийский храм	Харбинская соборная мечеть (в честь пророка Магомета); Главная синагога
1908	Иверская церковь; Успенская церковь на Новом кладбище	
1909		Освящен костел Св. Станислава
1910	Освящена церковь при коммерческих училищах	
1912	Храм в честь Св. Алексия в Модягоу	
1915–1916	В Старом Харбине храм в честь Святого и Чудотворца Николая	Евангелическо-лютеранская церковь в Харбине
1917		Еврейский молитвенный дом
1919		Новая синагога «Бейс-Гамедрош»

Строительство культовых зданий в г. Харбине в 20—30-е годы

Год постройки	Православные храмы	Прочие христианские и нехристианские
1920	Спасо-Преображенская церковь в Корпусном и Саманном городках	Начало постройки молитвенного дома христиан-адвентистов 7-го дня в Новом городе
1922	Пророко-Ильинская церковь в Механических мастерских	Начало строительства Новой соборной мечети; костела Св. Иосафата
1923	Иоанно-Предтеченская церковь; Иоанно-Богословская церковь при «Русском доме»; начало строительства церкви Святой Софии	Армянская церковь Св. Григория просветителя Армении
1924	Св. Петро-Павловская церковь в Сунгарийском городке; Казанско-Богородицкий мужской монастырь; Богородице-Владимирская женская обитель; молитвенный дом в Харбинской городской тюрьме	Начало постройки старообрядческого Свято-Петро-Павловского храма
1925	Свято-Алексеевская церковь на Зеленом базаре	Окончено строительство католического костела Св. Иосафата
1927	Св. Борисовская церковь в Остроумовском городке; Иоанно-Предтеченская церковь в Московских казармах	Окончено строительство молитвенного дома адвентистов 7-го дня в Новом городе
1928	Св.-Николаевская церковь в Затоне (в честь Св. и Чудотворца Николая); церковь при тюрьме Особого района Северной Маньчжурии в г. Харбине для обслуживания духовных нужд заключенных	Начало строительства «Дома Лютера» (харбинской лютеранской общины)
1929		Построен и освящен молитвенный дом духовных христиан-молокан; освящен молитвенный дом христиан-адвентистов 7-го дня в Сунгарийском городке; начало постройки старообрядческого храма в честь Успения Пресвятыя Богородицы
1930	Освящена Свято-Покровская церковь в Харбине	Начало строительства молитвенного дома христиан-баптистов
1931		Построен и освящен старообрядческий храм во имя Успения Пресвятыя Богородицы
1932	Освящена Новая Софийская церковь	
1936		Построен молитвенный дом христиан-баптистов
1937		Построена Новая Соборная мечеть и «Дом Лютера»
1941	Новая Благовещенская церковь	
1942	Новая Алексеевская церковь в Новом городе	

Источники: ГАХК. Ф. 831. Оп. 1. Д. 29. Л. 36—76.

На советском Дальнем Востоке в это же время происходило уничтожение (закрытие, снос, в лучшем случае приспособление под культурные учреждения, в худшем — склады) архитектурно-церковного наследия имперской России. В 1930-е годы в г. Благовещенске были снесены Покрово-Николаевская,

Вознесенская церкви, Шадринский собор. По поводу дальнейшей судьбы здания Успенского собора в г. Хабаровске в протоколе «заседания президиума Далькрайисполкома» от 4 июня 1930 г. записано: «Имея в виду, что здание бывшего собора на Комсомольской площади закрыто, согласно постановлению ДКИК от 2/II 1930 г., не может быть вследствие своего расположения и кубатуры использовано для других целей, что оно в архитектурном отношении не представляет какой-либо ценности, занимает земельный участок, могущий быть использован под застройку другим зданием, что разборка здания закрытого собора дает возможность получить около 600 тыс. штук годного кирпича, чем ослабит дефицит в кирпиче и тем самым позволит ускорить строительство Хабаровского вуза...разрешить Дальстройтресту приступить к разборке собора...»³² В общей сложности к 3 июня 1936 г. в ДВК закрыли 475 молитвенных зданий: в Уссурийской области — 44, Нижне-Амурской — 41, Сахалинской — 10, Камчатской — 37, Приморской — 68, Еврейской автономной области — 26, Зейской области — 28, Амурской — 162, Хабаровской — 59³³.

Еще в годы «революционного лихолетья» в советской России были провозглашены впоследствии оказавшиеся формальными свобода совести и принцип отделения церкви от государства. Однако перечеркнуть многовековую традицию подчинения церкви светской власти было не под силу даже самой радикальной оппозиции. Д.В. Поспеловский отмечает в книге «Русская православная церковь в XX веке», что «...в отличие от стран католических, где перемена власти, как правило, не отражается на инфраструктуре Церкви, в православных государствах радикальные изменения структуры власти катастрофически или во всяком случае глубоко травматически сказываются на всей жизни, структуре, положении и даже внутреннем самоощущении Церкви. Каждый раз Церковь отождествляется с рухнувшей политической системой и ей приходится перестраиваться в соответствии с целями и настроениями новой власти, доказывать свою лояльность»³⁴. По мнению Н.К. Оврах, «...долговременная российская монархия, обеспечивавшая господствующее положение православия, подчинила себе церковь, используя ее для сугубо утилитарных целей»³⁵. Православие никогда не было и не будет аполитичным. Но православная церковь, не стремясь господствовать над политической властью, оказывала и будет оказывать прямое или косвенное воздействие на нее. Этот тезис вполне подтверждает тот факт, что РПЦ за границей инстинктивно искала соединения с властями, руководствуясь христианским принципом, что «всякая власть дана от Бога». Особенно ярко эта особенность во взаимоотношениях духовных и светских властей в Харбинской епархии проявилась в 30-х годах и была связана с японской оккупацией Северо-Восточного Китая, политической оккупационных властей и положением церкви в новом государстве Маньчжоу-Го, идеологической твердыней которого являлось пособничество «утверждению Духа Основания Государства, являющегося подлинной душой восточно-азиатской морали»³⁶.

Осенью 1931 г. Маньчжурию оккупировали японские войска, которые в начале 1932 г. установили контроль над всей территорией, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го. С этого момента в жизни русских, проживавших на данной территории, наметились перемены: «...японское командование заявило о своей лояльности к русскому населению и готовности решить его правовые и другие проблемы. В обмен на это эмигранты должны

были поддерживать японскую агрессию и стать послушными исполнителями воли японских властей»³⁷. 28 декабря 1934 г. в Харбине было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (далее — БРЭМ), поставившее под свой контроль важнейшие сферы жизни эмигрантов. Более того, «в условиях оккупационного режима этот общеэмигрантский центр», с одной стороны, «служил реализации планов японской военщины», а с другой — «всеми силами старался сохранить этнокультурную деятельность российской диаспоры»³⁸.

Русская православная церковь (в Харбинской епархии) в рамках Бюро первоначально контролировалась вторым (культурно-просветительным) и пятым (благотворительным) отделами. Однако в 1935 г. согласно распоряжению начальника третьего отдела Бюро (административный отдел традиционно занимался регистрацией русских эмигрантов) и резолюции высокопреосвященнейшего Мелетия, архиепископа Харбинского и Маньчжурского, всем церковнослужителям Харбинской епархии велено было персонально зарегистрироваться в БРЭМе, куда также были переданы списки церковей епархии³⁹. Приведем текст документа:

«От 12 июля
1935 г.
№ 2059

Господину, Заступающему место Председателя
Харбинского Епархиального Совета.
о. Михаилу Филологову

В связи с вынужденным отказом поддержать Ваше ходатайство перед Департаментом полиции о выдаче разрешения на устройство сбора на сооружение церкви на ст. Мяндухэ, имею честь Вам сообщить, что приблизительно в Великом Посту в разговоре со мной относительно регистрации Епархиальных учреждений Вы мне заявили о нежелательности регистрации их, как совершенно особых высоких Церковных организаций и добавили, что персонально Вы лично и другие Священнослужители обязательно зарегистрируются.

В Вашем сношении нам от 20 мая с.г. за № 892 приведена резолюция Правящего Владыки, которую мы признали для себя обязательной, о чем Харбинскому Епархиальному Совету было сообщено сношением от 20 мая за № 1340, в котором одновременно мы просили дать для справок список Церквей и Их Настоятелей и уведомить Бюро о том, как смотрит Епархиальный Совет на персональную регистрацию Священнослужителей...

Так как до сего времени, т. е. в течение более чем полутора месяцев, Епархиальный Совет не нашел возможности рассмотреть этот вопрос и высказать свое суждение по нему, то по поручению Председателя Бюро настоящим уведомляю названный Совет об обязательности для всех Священнослужителей и Церковнослужителей, наравне со всеми Российскими эмигрантами, персональной регистрации в Бюро и в Отделениях его в других пунктах, о чем одновременно отдается распоряжение всем Начальникам Отделений»⁴⁰.

В ответ на подобные указания Харбинский епархиальный совет уведомил Начальника БРЭМа о принятом решении:

«Харбинский Епархиальный Совет
от 31 июля 1935 г.

Высокопреосвященнейший Мелетий, Архиепископ Харбинский и Маньчжурский, на докладе Епархиального Совета по вопросу о персональной регистрации священноцерковно-служителей Харбинской епархии, от 20 июля с.г., за № 1327, положил резолюцию, от 8/21 сего июля, за № 341 следующего содержания:

Сделать распоряжение по Епархии о необходимости всем Священно-Церковно-Служителям зарегистрироваться в Бюро По Делах Российских Эмигрантов, Также Зарегистрировать и Существующие при Приходах кружки и другие благотворительные и просветительные организации, содержание какой-либо резолюции незамедлительно будет сообщено, для надлежащего исполнения, о.о. Настоятелям церквей Харбинской епархии.

Кроме того, в Бюро будет послан список церквей Харбинской епархии, с указанием о.о. Настоятелей таковых»

Протоиерей
Протоиерей

М. Филологов
И. Петелин»⁴¹.

Так к середине 30-х годов РПЦ в Маньчжоу-Го была поставлена под контроль со стороны японских властей, которые претендовали на подчинение себе священнослужителей епархии, а также на церковное имущество. Деятельность и в целом миссия церкви не претерпели резких изменений, если не считать усилившейся антикоммунистической (антикоминтерновской) пропаганды и воздаяния благодарности «ниппонским властям», «ниппонской империи и императору», «ниппонской армии» и «ниппонскому народу» в форме специальных молебнов, а также насильственного поклонения богине Аматерасу⁴². Отметим, что Русская православная церковь участвовала в празднованиях «...вечеров непримиримости с Коминтерном» и в антикоммунистических демонстрациях. В частности, в программе Дня антикоминтерна, назначенного на 1 мая 1940 г., первым пунктом означена «панихида по жертвам коммунистического террора во всех храмах г. Харбина и, кроме того, всеобщая панихида на Соборной площади у памятника борцам с Коминтерном»⁴³. В некоторых случаях священнослужители вынуждены были вступать в светские (националистического толка) организации: например, вл. Виктор был назначен председателем антикоминтерновского Союза Северного Китая⁴⁴. В обмен на это японская военная миссия оказывала некоторую поддержку: давала разрешение на устройство православных праздников, юбилейных вечеров и строительство храмов.

Такое отношение к «православной идеологии» российских эмигрантов со стороны японских властей способствовало успеху последних⁴⁵.

Вместе с тем, несмотря на жесткий контроль со стороны японских властей и прочие трудности эмигрантского состояния, деятели РПЦ по-прежнему прилагали усилия к сохранению русской культуры. 6 июня — в день рождения А.С. Пушкина — российская эмиграция во всем мире отмечала День русской культуры. В Харбине он проводился при поддержке БРЭМа, РПЦ и других общественных организаций. Обязательно выпускался журнал с одноименным названием. Почетное место занимали небольшие по объему, но емкие по содержанию статьи служителей православной церкви, среди которых были такие корифеи, как архиепископы Мелетий, Нестор, епископы Николай Охридский и Дмитрий, архимандрит Филарет, иеромонах Мефодий, протоиерей Леонид Викторов и др. Лейтмотивом этих работ была мысль о том, что «русское национальное сознание и русская нация родились в недрах Православной Церкви, в ней они черпали, в течение веков источник своей духовной силы и русская культура стала культурой православной»⁴⁶.

В связи с этим церковь, «гонимая советской властью, лишенная хлеба и воды в родной стране, прибыв в чужие государства», принимала на себя всю полноту ответственности за сохранность последней⁴⁷. Прежде всего

авторы обращались к истории православия на Руси и в России, к примерам христианского подвига, укрепляя веру и надежду своей паствы⁴⁸. Решительно звучал призыв к сохранению отечественных культурных ценностей (православных). Так, архиепископ Мелетий отмечал, что «главную силу в воспитании молодого поколения становится семья... истинные христианские порядки, строго соблюдаемые родителями, остаются навсегда в душе детей», а «корни того великого духовного богатства русского народа, которое именуется «культурой», кроются прежде всего в здоровом христианском воспитании»⁴⁹. Кроме того, служители культа не скрывали своего отношения к советской России. Во-первых, они вообще не одобряли коммунистический режим, утвердившийся на их родине: «...новая кампания, объявленная Коминтерном, в своих планах вышла далеко за пределы гонения только на христианство и своим объектом сделала БОГОПОЧИТАНИЕ вообще и саму идею о Боге»⁵⁰. Во-вторых, выражали сочувствие своим «братьям», которые остались в России и стали ее жертвами, где «церковь оказалась гонимой, лишенной всякого правового обеспечения, потерявшей внутреннюю свободу в осуществлении своей власти...»⁵¹. В-третьих, полагали, что «Православная Русская Церковь среди русского народа, оказавшегося в эмиграции, является частью общей Русской Православной Церкви», что скоро они смогут возвратиться назад⁵². В качестве своеобразного итога выдвигалась идея о том, что объединяющим началом российской эмиграции являются православная вера и церковь. Именно поэтому русская культура за рубежом «живет единым целым»⁵³.

Как свидетельствуют приведенные документальные источники, Русская православная церковь за границей (в частности, в Маньчжурии) инстинктивно искала соединения с властями, поскольку невозможно было в одночасье (как это попытались сделать большевики в 1918 г.) перечеркнуть многовековую «симфонию церкви и светской власти».

В сложных условиях эмиграции, а затем и оккупации Русская православная церковь в Маньчжурии в 30-х годах XX в. нашла свою социальную нишу и вместе со светскими властями сумела отстоять русскую национальную культуру, явившись жизненным стержнем и духовной опорой «дальневосточного островка» Русского зарубежья.

¹ Дворянское собрание: Ист.-публицист. и лит.-худож. альманах. 1994. № 1. С. 234.

² Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992.

³ Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 12.

⁴ Дубинина Н.И. К вопросу об особенностях дальневосточной российской эмиграции (20—30-е годы XX в.) // Международная научная конференция «Гражданская война на Дальнем Востоке: итоги и уроки». Тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1992. С. 151.

⁵ Российская эмиграция... С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Дубинина Н.И. К вопросу об особенностях дальневосточной российской эмиграции... С. 151.

¹² Российская эмиграция... С. 10.

¹³ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии, 1932—1945 / АН СССР, Ин-т востоковедения. М., 1990. С. 24.

¹⁴ Дубинина Н.И. К вопросу об особенностях дальневосточной российской эмиграции... С. 152.

¹⁵ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. С. 7.

- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999.; Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Рос. духов. миссии в Китае. СПб., 1993.; Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000.; Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Монография: В 2 ч. Ч. 1. Русские в Китае. Владивосток, 2000 и др.
- ¹⁸ Сердюк М.Б. Особенности религиозной жизни россиян в Маньчжурии // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Материалы первой междунар. науч.-практ. конф. Кн. 2. Владивосток, 1998. С. 147—151.
- ¹⁹ Там же. С. 148.
- ²⁰ Там же. С. 149.
- ²¹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции... 1992.
- ²² Ломанов А.В. Христианство в Китае: история культурной адаптации (начало XIX в. — середина XX в.): Информ. бюл. М., 1999. С. 16.
- ²³ Китайский благовестник. 1999. № 2. С. 7.
- ²⁴ Там же. С. 9.
- ²⁵ Там же. С. 12.
- ²⁶ Владивостокские Епархиальные ведомости. 1917. № 15—16. С. 408.
- ²⁷ Сумароков Е.Н. Двадцатилетие Харбинской епархии (1922—1942). Харбин, 1942. С. 33.
- ²⁸ Там же. С. 21.
- ²⁹ Китайский благовестник. 1999. № 2. С. 13.
- ³⁰ Сумароков Е.Н. Двадцатилетие Харбинской епархии (1922—1942). Харбин, 1942. С. 33.
- ³¹ Там же. С. 15.
- ³² ГАХК. Ф.Р-137. Оп. 10. Д. 199а. Л. 156.
- ³³ Там же. Д. 236. Л. 16.
- ³⁴ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 18.
- ³⁵ Оврах Н.К. Монархические идеи Русской Православной Церкви. // Тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». Владивосток, 1996. С. 91—92.
- ³⁶ Сборник Кио-Ва-Кай. Российские эмигранты и съезды Кио-Ва-Кай. Харбин, 1942. № 31. С. 32.
- ³⁷ Аурилена Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30—40-е годы XX века (на примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.
- ⁴⁰ Там же. Л. 52—53.
- ⁴¹ Там же. Л. 60.
- ⁴² Дионисий Поздняев (священник). Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998. С. 80.
- ⁴³ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 73. Л. 69.
- ⁴⁴ Дионисий Поздняев (священник). Православие в Китае... С. 81.
- ⁴⁵ Сборник Кио-Ва-Кай. Российские эмигранты... № 31. С. 32.
- ⁴⁶ Сумароков Е.Н. Двадцатилетие Харбинской епархии... С. 118.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ День Русской Культуры. Харбин. 1939. 21 июня. С. 2.
- ⁴⁹ Там же. 19 июня. С. 2.
- ⁵⁰ Юбилейный (пять лет Маньчжоу-Го, 1932—1937 гг. Издание особого отдела Сэ-Хэ-Хой). 1937. март. С. 16—17.
- ⁵¹ Сумароков Е.Н. Двадцатилетие Харбинской епархии... С. 118.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ День Русской Культуры... 11 июня. С. 5.

SUMMARY. The author of the article “The Russian Orthodox Church in Emigration” Yu. Fedorova tells about “Eastern Branch” of the Russian emigration in Manchuria where the Orthodox Church could find its social niche and became spiritual base of “the Far Eastern Small Island” of the Russians abroad.